

Власов Сергей Александрович**Vlasov Sergey Aleksandrovich**

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН

PhD in History, Senior Research Fellow, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences

ПОСЛЕВОЕННАЯ БЕДНОСТЬ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (1946-Й – СЕРЕДИНА 1950-Х ГГ.)

POST-WAR POVERTY IN THE FAR EAST (1946-THE MID-1950S)

Аннотация:

В статье на основании анализа обстановки в регионе периода 1946-й – середины 1950-х гг., материалов государственных архивов рассмотрена проблема послевоенной бедности населения Дальнего Востока. Автором в ходе исследования установлено, что она вызвана не только последствиями Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., но и расходами государства на вооружение в начавшейся холодной войне, затратами на репрессивный аппарат и другими государственными издержками. Преодоление бедности не относилось в анализируемый период к числу первостепенных государственных задач. Бедность проявлялась в дефиците продуктов, промышленных товаров, нехватке жилья и его низком качестве, невозможности обеспечить население в целом квалифицированной медицинской помощью. Сформулирован вывод о том, что процесс преодоления этой сложной ситуации начался с середины 1950-х гг., когда партией и правительством был взят курс на развитие социальной сферы, повышение материального благосостояния трудящихся. Бедность в итоге стала не массовым явлением, а уделом части населения в приемлемых для общества масштабах.

Ключевые слова:

Дальний Восток, уровень жизни, бедность, продуктовый дефицит, товарный дефицит, личные подсобные хозяйства, жилищные условия, медицинское обслуживание, архивные данные.

Summary:

The problem of post-war poverty in the Far East is analyzed in the context of the 1946-the mid-1950s situation in this region and state archives available. It was caused by not only the effects of the Great Patriotic War of 1941-1945 but also state expenditures on armaments in the Cold War, spending on the repressive system and other government costs. Overcoming poverty was not an urgent priority for the state in the period under review. Poverty was demonstrated by the shortage of food, manufactured goods, housing and its low quality, the government's inability to provide the population with good medical care in general. The party and the government started to cope with the difficult situation in the mid-1950s when they focused on the development of the social sector and the improvement of the material well-being of workers. Poverty failed to result in a mass phenomenon and became the lot of a number of people that might be regarded as acceptable to society.

Keywords:

Far East, living standards, poverty, food shortage, commodity shortage, household plots, housing conditions, medical care, archival data.

Проблема бедности в нашей стране в годы советской власти относится к числу малоисследованных. Публикаций, посвященных данной теме, немного, что связано не столько с дефицитом фактического материала, сколько с методикой исследования этого явления, невозможностью определения четких и бесспорных критериев, согласно которым людей относят к категории «бедные».

В Советском Союзе (по идеологическим соображениям) понятия бедности не существовало ни на практике, ни в социально-экономической теории общества того времени. До конца 1980-х гг. в общественном сознании господствовал миф о ее ликвидации в условиях социализма, о ней говорили исключительно в контексте дооктябрьского периода российской истории и капиталистического мира с его социальными язвами. Считалось, что в СССР бедности нет и быть не может ввиду характера социалистического строя. Для определения материального положения граждан с доходами ниже величины прожиточного минимума использовался термин «малообеспеченность». Интерес к актуальной и сегодня проблеме возник в 1990-е гг. вследствие ряда обстоятельств. Он объясняется, во-первых, радикальными экономическими реформами (так называемой шоковой терапией), которые привели к тому, что бедность охватила различные группы населения и открыто заявила о себе; во-вторых, возможностью обществоведов изучать проблемы, не актуальные в советскую эпоху и даже идеологически вредные.

Анализируя исследовательские работы о проблеме бедности как социально-экономическом явлении, можно утверждать, что отсутствует единое понимание соответствующей категории. Вместе с тем наблюдается множество концептуальных подходов к вопросу бедности, которая постоянно эволюционирует, пополняясь различным содержанием [1, с. 10]. На наш взгляд,

наиболее удачное определение рассматриваемого понятия дано зарубежными исследователями. Они характеризуют бедность как состояние, при котором индивид или социальная группа не могут удовлетворить определенный круг минимальных потребностей, необходимых для жизни, сохранения трудоспособности, продолжения рода [2, р. 762]. Одна из самых острых социальных проблем сфокусировала в себе практически всю гамму социологических понятий и категорий. Ее невозможно описать, минуя категории экономического статуса и дохода, социального неравенства и стратификации, распределения национального богатства и уровня жизни населения, культуры и субкультуры андеграунда, образа жизни и депривации, жизненных потребностей и потребительской корзины, социализации бедных и других.

Образ жизни большинства представителей общества послевоенных лет соответствовал уровню существования бедных, типичными признаками которого являются плохое питание, недоступность качественной медицинской помощи, отсутствие возможности купить новую одежду и обувь, неудовлетворительные жилищные условия. Для многих людей причиной такого существования на грани выживания стала Великая Отечественная война с ее последствиями, связанными с необходимостью восстанавливать разрушенную страну и противостоять Западу в начавшейся холодной войне.

Один из критериев определения границ бедности – уровень доходов. Это так называемый монетарный подход, широко используемый в мировой науке и применяющийся отечественными исследователями, но с учетом специфики советских реалий, где часть потребностей удовлетворялась за счет общественных фондов потребления (ОФП). Благодаря ОФП в СССР были низкими цены, в том числе стоимость жилищно-коммунальных услуг и проезда в общественном транспорте, бесплатно оказывались медицинские услуги и на безвозмездной основе предоставлялось жилье. Создавалась иллюзия, что бедных нет, бедность приглушалась, и люди не опускались до уровня нищеты, т. е. состояния неспособности удовлетворить основные потребности.

За счет ОФП удовлетворялась малая часть потребностей в пище, одежде, бытовых услугах исходя из доходов населения, а главным и единственным источником средств к существованию оставалась заработная плата. Поэтому ведущим критерием бедности в СССР, как и в других странах, являлся уровень доходов, для советских граждан он зависел от заработной платы. Среднемесячная зарплата рабочих и служащих в стране в 1945 г. составляла 434 р., в 1950 г. – 639 р., в 1955 г. – 715 р. Пенсионеры по старости получали в 1956 г. в среднем 224 р. в месяц [3, с. 238].

На Дальнем Востоке среднемесячная зарплата была выше и в 1945 г. составляла 603 р., в 1950 г. – 929 р., в 1955 г. – 1 111 р. [4, с. 45]. Еще более высокая заработная плата зафиксирована у дальневосточников – за счет льгот и надбавок, предусмотренных для тех, кто проживал в районах Крайнего Севера и местностях, приравненных к ним. Эти льготы распространялись в основном на Сахалинскую область, Камчатку, Колыму (будущую Магаданскую область), северные районы Хабаровского края. Население южной части Дальнего Востока, где сосредоточена большая его часть, оказалось лишено ряда льгот и надбавок. В итоге те, кто проживал на данной территории, получали зарплату, сопоставимую со среднесоюзной. В частности, в Приморском крае, наиболее заселенной территории, льготами пользовались всего 35 % жителей края [5, с. 32]. При этом дальневосточники тратили больше средств на продукты питания, чем население западных районов страны, поскольку они дороже стоили из-за поясных наценок. Дальний Восток относился к третьему ценовому поясу, где уровень цен был выше на 8–30 %, чем в центральных районах РСФСР. В северных районах региона поясные наценки на такие продукты, как мясо, молоко, яйца, свежие овощи, доходили до 300–400 % [6, с. 23].

Вопрос ценообразования в отношении промышленных товаров и продуктов питания находился в компетенции государства, фактически являясь одной из форм изъятия средств у населения, пополнения доходов госбюджета, перераспределения финансов в «нужные» для страны отрасли: разработку атомного оружия («атомный проект»), текущие затраты на содержание армии, флота, органов МВД и КГБ. Так, доля расходов на содержание немалого репрессивного аппарата органов внутренних дел и государственной безопасности составила в государственном бюджете в 1946 г. 29,6 %, в 1950 г. – 25 % [7, с. 26]. Для страны, измученной войной и восстанавливающейся после ее тяжелых последствий, такие расходы стали тяжелым бременем. В послевоенные годы, чтобы выжить, люди были вынуждены практически все заработанное тратить на самое необходимое – продукты и одежду. По сути они работали на государство, получали зарплату, а заработанное возвращали ему же, оплачивая потребление минимального набора продуктов и товаров.

Отмена карточек на продовольственные и промышленные товары в декабре 1947 г. не улучшила обеспечение дальневосточников продуктами. Продовольственный кризис не удалось преодолеть вплоть до середины 1950-х гг. По-прежнему наблюдались очереди у хлебных магазинов, не утратив признаков «атрибута времени». По материалам архивов, ситуация в Приморском крае оставалась непростой: «...в мае – июне 1949 г. в г. Спасске у хлебных магазинов очереди приняли огромные масштабы... Милиция не в состоянии установить порядок, происходят

драки, обмороки, солнечные удары. 25–30 % стоящих – дети, они всю ночь проводят в очередях, чтобы купить хлеб...» [8]. В 1953 г. секретарь Приморского крайкома КПСС Д.Н. Мельник в письме заместителю председателя Совета министров СССР А.И. Микояну обращался с просьбой выделить дополнительные фонды для г. Имана (Дальнереченска), поскольку «в торговой сети не бывает в продаже мяса, колбасных изделий, животного масла, в ограниченном количестве рыботоровары, крупы, кондитерские изделия» [9]. В 1954 г. в п. Маго Хабаровского края норма отпуска продуктов на душу населения не отличалась от военных лет: крупа – 33 г, макароны – 17, масло, колбаса – 7, мясо – 4 г [10]. В 1954 г. возникло тяжелое положение со снабжением хлебом в ряде сел Амурской области и даже в областном центре – г. Благовещенске [11].

Послевоенная бедность заставляла людей использовать навыки выживания, сформировавшиеся в военные годы, действовать, руководствуясь аналогичной стратегией. Одним из дополнительных источников, позволяющих улучшить питание, были коллективные и индивидуальные огороды, личные подсобные хозяйства (ЛПХ). Все эти средства пополнения продовольствия получили распространение еще во время войны, а впоследствии возможности огородничества, ведения ЛПХ расширены. В Приморском крае в 1947 г. огородничеством занимались 190 тыс. человек [12], в Хабаровском в 1950 г. 175 тыс. рабочих и служащих имели огороды [13, с. 54]. Помимо огородов часть населения разводила крупный и мелкий рогатый скот, птицу, других домашних животных, чтобы обеспечить семью молоком, мясом, яйцами. Даже в таких крупных городах, как Владивосток, жители выращивали крупный рогатый скот. Например, в 1947 г. у горожан в индивидуальном пользовании находилось 1 500 коров [14].

Для бедного населения ведение ЛПХ являлось основным и единственным источником поступления продуктов (картофеля, овощей, яиц), оно позволяло не только решать вопрос питания, но и продавать часть сельскохозяйственной продукции, т. е. получать дополнительный доход, а на вырученные средства приобретать одежду и обувь. Следует отметить, что торгующие на рынке крестьяне и горожане реализовывали не излишки. Отрывая от себя и семьи жизненно необходимые продукты, они продавали их, чтобы купить промышленные товары.

Покупать на рынке могли позволить себе немногие, поскольку цены на продукты в подобных местах были достаточно высокими. Так, в начале 1950-х гг. в Хабаровске на рынках города в среднем цена 1 кг картофеля составляла 2,5 р., 1 л молока – 5 р., десятка яиц – 22 р., 1 кг мяса – 23 р. [15]. Свидетельством того, что в таких торговых точках товары были не по карману большинству дальневосточников, являются сведения о статистике приобретенных продуктов питания на колхозных рынках: на Дальнем Востоке могли позволить себе их купить 16,2 % населения, в Центре – 26 %, Поволжье – 32,8 %, на Северном Кавказе – 44,6 % [16].

Нехватка предметов первой необходимости промышленного производства вынуждала граждан носить и пользоваться тем, что куплено до войны, а также изготавливать их в домашних условиях. Часто старые вещи перешивали, а если удавалось приобрести ткань, то самостоятельно шили для себя и детей различную одежду. Гражданские нередко отдавали предпочтение военному обмундированию. По воспоминаниям старожила Владивостока Е.А. Щебенковой, когда она в 1947 г. поступила в пединститут, то сразу заметила, что среди мужчин, преподавателей и студентов, многие одеты в военные гимнастерки [17]. Этот факт свидетельствовал о том, что у возвратившихся с фронта не было другой одежды. Стратегия выживания бедных заключалась в экономии на всем, в частности и на одежде. Поэтому для них характерно бережное к ней отношение. Приобретение обновки воспринималось как значимое событие, а каждая новая вещь приобретала статус вечной. «Бессмертие» одежды заключалось в продлении ее службы различными способами («перешивками», донашиванием, т. е. младшим доставалось все от старших). Безусловно, подобная многофункциональность свидетельствовала о бедности, царившей в обществе после войны.

В рассматриваемый период не улучшились жилищные условия дальневосточников. Строительство жилья, как и в довоенное время, велось в ограниченных масштабах, поэтому не выдерживалась норма 9 кв. м жилой площади на человека, рассчитанная и установленная в первые годы советской власти [18, с. 96]. Кроме того, жилье было низкого качества, чаще всего без удобств, порой без электроэнергии. В ряде мест в 1945–1949 гг. для освещения использовались керосиновые лампы, но они считались дефицитными. Так, в 1948 г. 80–85 % домов Спасска (Приморский край) не имели электрического освещения [19]. В начале 1950-х гг. в Петропавловске-Камчатском электроэнергией могли пользоваться лишь жители двух центральных улиц города; дома, расположенные на других улицах, не освещались [20].

В начале 1950-х гг. в Приморском крае всего 11,3 % жилых домов оборудованы водопроводом, 8,5 % – канализацией. В таких городах, как Сучан, Артем, Находка, жилые дома, оборудованные водопроводом и канализацией, составляли десятые и сотые доли процентов [21]. Даже в краевом центре – Владивостоке – подавляющая часть населения проживала в домах без удобств. В начале 1955 г. жилой фонд города составлял 850 тыс. кв. м, из них свыше 500 тыс. приходилось на одноэтажные постройки без коммунальных удобств [22]. К тому же значительная часть одноэтажного фонда была ветхой и непригодной для проживания.

Подобная ситуация имела место и в других районах Дальнего Востока. В Комсомольске-на-Амуре для 71 % населения домом служили временные сооружения, построенные в 1934–1936 гг., которые обветшали и подлежали сносу [23]. В Корякском национальном округе 50 % колхозников жили в землянках, а на Сахалине часть жителей Южно-Сахалинска – в железнодорожных вагончиках [24]. Но и с учетом такого непригодного для проживания жилья средний размер жилой площади на одного человека был намного ниже установленной социальной нормы в 9 кв. м и варьировался в разных районах Дальнего Востока от 3,7 до 5,2 кв. м [25, с. 85].

Рабочие в городах и поселках проживали в общежитиях, где жилищно-бытовые условия можно сравнить с худшими образцами ночлежек царской России или капиталистических стран конца XIX в. Людей размещали на двухъярусных кроватях, в комнатах отсутствовали шкафы для хранения продуктов, выходной и рабочей одежды, не было кухни для приготовления пищи и бытовых коммат для стирки. В конце 1940-х гг. на Камчатке в общежитиях «Камчатрыбпрома» семейных рабочих размещали по две-три семьи в комнате или вместе с одиночками [26, с. 79]. Показательным является случай, зафиксированный в 1948 г. в городах Приморского края, когда в рабочих общежитиях провели проверку, в ходе которой обнаружили многочисленные факты бедственных условий проживания. Во Владивостоке в общежитиях рыбного порта размещали по 12–20 человек в одной комнате. В общежитиях Владивостокского торгового порта в комнатах было грязно, в окнах вместо стекол – фанера и доски, водой жильцов обеспечивали нерегулярно, рабочие после трудового дня не могли помыться [27].

Для большинства дальневосточников проблема сохранения здоровья в послевоенные годы не представлялась значимой. Состояние самопожертвования, сформировавшееся в период войны, продолжало доминировать и после ее окончания. В больницу обращались в крайнем случае. Подобная ситуация порождена и тем, что сфера здравоохранения пребывала в тяжелом положении: нехватка врачей, низкий уровень инфраструктуры, сложность в доступности медицинской помощи для жителей региона, особенно отдаленных сельских районов, из-за преодоления огромного расстояния. О плачевном состоянии системы здравоохранения на Дальнем Востоке того времени свидетельствуют и многочисленные архивные данные. В г. Артеме, население которого (с пригородом) в 1946 г. составляло 51 тыс. человек, для обслуживания была только одна машина скорой помощи [28], а городская больница располагала лишь 120 койками. Чтобы попасть на прием к врачу в поликлинику, люди занимали очередь с 6 часов утра. Часто на прием не могли попасть тяжелобольные, не говоря о тех, кто чувствовал легкое недомогание [29].

В конце 1940-х гг. в городской больнице Владивостока, рассчитанной на 300 человек, находилось на лечении 500–550 пациентов, т. е. почти в два раза больше, чем предусмотрено лечебными и санитарными нормами. Даже тяжелобольных размещали не на койках, а на полу в коридорах. В целом дефицит больничных коек в городах Приморского края составлял 2 тыс., учитывая, что в первое послевоенное десятилетие на его территории не построили ни одного лечебно-медицинского учреждения. Из-за нехватки таких учреждений больным нередко отказывали в госпитализации. В 1948 г. во Владивостоке ежедневные отказы в городской больнице составляли 50–60 случаев в день [30]. В Хабаровском крае в 1952 г. отказано в госпитализации 3 341 человеку, в 1953 г. примерно стольким же [31].

Значительные затруднения с медицинским обслуживанием испытывали селяне. Теоретически население Дальнего Востока было охвачено медицинской помощью при необходимости. Однако в послевоенные годы в регионе не зафиксировано случаев распространения эпидемических заболеваний (сыпного и брюшного тифа), а заболевания дизентерией, туберкулезом не приняли характер эпидемий, что свидетельствовало о грамотно организованных действиях органов власти и медработников, целесообразно распорядившихся скудными ресурсами. Тем не менее сельское население ввиду ряда обстоятельств (слабой материально-технической базы, дефицита кадров, территориальной отдаленности и плохо развитой транспортной инфраструктуры) фактически было лишено медицинской помощи. В сложных условиях находились жители отдаленных сел и поселков, вынужденные использовать методы самолечения, прибегать к услугам местных знахарей.

К середине 1950-х гг. в 42,4 % сельских населенных пунктов южной части Дальнего Востока отсутствовали лечебно-профилактические учреждения, не хватало специалистов. В Приморском крае из 621 работающего врача лишь 74 трудились в сельской местности [32]. Медицинские учреждения в селах были плохо оборудованы, функционировали без рентгеновских аппаратов, физиоаппаратуры, лабораторий. Еще хуже ситуация на севере Дальнего Востока и на Сахалине. В 1953 г. в Магаданской области на тысячу человек приходилось всего пять больничных коек, насчитывалось 87 небольших больничных учреждений.

В субъективном восприятии дальневосточники, как и остальные советские граждане, не ощущали себя «бедными», что было связано, как правило, с ментальностью людей того времени. Свое положение они оценивали по шаблону «все так живут». Несмотря на массовую бедность, основные настроения определялись оптимистическим ожиданием лучшей жизни. Недовольство

возникло, но с учетом жесткого политического режима и одновременно веры в светлое будущее оно не проявлялось в виде организованных, массовых форм социального протеста. Привычка к бедности сформировала у граждан отношение к низкому уровню жизни как к норме – состоянию дел, сопряженному с некоторыми неудобствами и огорчениями, но вполне терпимому, не побуждающему к протесту [33], что можно считать парадоксом советского массового сознания, а в условиях «лихих 90-х» и сегодняшней непростой ситуации – российского. Терпение русского человека – одна из основополагающих черт национального характера.

Послевоенная бедность хронологически не совпала с восстановительным периодом. Когда он завершился, население по-прежнему продолжало жить бедно. Власть не считала нужным тратить средства на народное благосостояние, у государства были другие приоритеты: развитие индустрии, военно-промышленного комплекса и т. д. Преодолевать бедность стали с середины 1950-х гг., что связано с переменами, начавшимися в контексте хрущевской оттепели. Обще-ственно-политический выбор, сделанный XX съездом КПСС, предопределил путь развития страны, лейтмотивом которого стала мысль о том, что партия и государство обязаны заботиться не только об укреплении оборонной мощи страны, развитии тяжелой промышленности, производстве средств производства, но и о человеке. В директивах съезда был специальный раздел, посвященный повышению материального и культурного уровня народа, где конкретизировался курс на расширение торговли, жилищного строительства, коммунального обслуживания, развитие здравоохранения. В стране началось сокращение бедности, но она не исчезла окончательно, а приняла приемлемые для общества масштабы.

Ссылки:

1. Шугаева И.В. «Новые бедные» в социальной структуре современного российского общества (на материалах г. Хабаровска) : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Хабаровск, 2017. 24 с.
2. Foster J., Greer J., Thorbecke E. A Class of Decomposable Poverty Measures // *Econometrica*. 1984. Vol. 52, no. 3. P. 761–766. <https://doi.org/10.2307/1913475>.
3. История советского рабочего класса : в 6 т. Т. 4. Рабочий класс СССР в годы упрочения и развития социалистического общества 1945–1960 гг. М., 1987. 519 с.
4. Ващук А.С. Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке: середина 40–80-х гг. XX в. : монография. Владивосток, 1998. 211 с.
5. Слабнина Л.А. Уровень жизни рабочих Дальнего Востока СССР: 1946-й – начало 60-х гг. Владивосток, 1997. 124 с.
6. Там же. С. 23.
7. Мамяченков В.Н. Материальные условия жизни населения Свердловской области в 1946–1991 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2012. 45 с.
8. Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. П-68. Оп. 48. Д. 385. Л. 124.
9. Там же. Оп. 92. Д. 7. Л. 1.
10. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. П-35. Оп. 46. Д. 19. Л. 125.
11. Государственный архив Амурской области (ГААО). Ф. 1. Оп. 15. Д. 505. Л. 1–6.
12. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 6. Д. 70. Л. 23.
13. Слабнина Л.А. Указ. соч. С. 54.
14. ГАПК. Ф. 85. Оп. 5. Д. 65. Л. 44.
15. ГАХК. Ф. 826. Оп. 4. Д. 120. Л. 2.
16. Мир после войны: дальневосточное общество в 1945-м – 1950-е гг. // История Дальнего Востока России / под общ. ред. В.В. Ларина. Владивосток, 2009. 694 с.
17. Щебенькова Е.А. Владивосток – моя судьба. Владивосток, 2004. 64 с.
18. Меерович М.Г. Жилищная политика в СССР как средство социального управления: 1917–1941 гг. // Социс. 2014. № 1. С. 95–101.
19. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 41. Д. 385. Л. 14.
20. Государственный архив Камчатского края (ГАКК). Ф. 67. Оп. 1. Д. 47. Л. 100.
21. ГАПК. Ф. 26. Оп. 24. Д. 2. Л. 5.
22. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 30. Д. 277. Л. 6.
23. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 41. Д. 7. Л. 438.
24. Мир после войны: дальневосточное общество в 1945–1950-е гг.
25. Слабнина Л.А. Указ. соч. С. 85.
26. Там же. С. 79.
27. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 35. Д. 103. Л. 38, 90, 100.
28. ГАПК. Ф. 26. Оп. 22. Д. 29. Л. 71.
29. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 35. Д. 449. Л. 15.
30. ГАПК. Ф. 26. Оп. 22. Д. 23. Л. 64, 114.
31. Мир после войны: дальневосточное общество в 1945–1950-е гг.
32. ГАПК. Ф. 26. Оп. 22. Д. 19. Л. 66.
33. Зубкова Е.Ю. «Привычка к бедности». Проблемы измерения уровня жизни в СССР в 1940–1960-е гг. // Российская история. 2013. № 5. С. 92–104.

References:

- Foster, J., Greer, J & Thorbecke, E 1984, 'A Class of Decomposable Poverty Measures', *Econometrica*, vol. 52, no. 3, pp. 761-766, <https://doi.org/10.2307/1913475>.
Mamyachenkov, VN 2012, *The Material Living Conditions of the Population of the Sverdlovsk Region in 1946-1991*, D.Phil.

thesis abstract, Ekaterinburg, 45 p., (in Russian).

Meerovich, MG 2014, 'Housing Policy in the USSR as a Means of Social Management: 1917-1941', *Sotsis*, no. 1, pp. 95-101, (in Russian).

Schebenkova, EA 2004, *Vladivostok Is My Destiny*, Vladivostok, 64 p., (in Russian).

Shugaeva, IV 2017, "'New Poor" in the Social Structure of Modern Russian Society (on the Materials of Khabarovsk)', PhD thesis abstract, Khabarovsk, 24 p., (in Russian).

Slabnina, LA 1997, *The Workers Standard Living in the USSR Far East: 1946 - the Beginning of the 60s*, Vladivostok, 124 p., (in Russian).

The Soviet Working Class History 1987, in 6 vols, vol. 4, The Working Class of the USSR in the Years of Consolidation and Development of the Socialist Society of 1945-1960, Moscow, 519 p., (in Russian).

'The World after the War: Far Eastern Society in the 1945-1950s' 2009, in VV Larin (ed.), *History of the Russian Far East*, Vladivostok, 694 p., (in Russian).

Vashchuk, AS 1998, *Social Policy in the USSR and Its Implementation in the Far East: the Mid 40s - 80s 20th Century: a Monograph*, Vladivostok, 211 p., (in Russian).

Zubkova, EYu 2013, "'Habit of Poverty". Problems of Measuring the Living Standard in the USSR in the 1940-1960s', *Rossiyskaya istoriya*, no. 5, pp. 92-104, (in Russian).